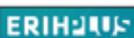

Ушакова Е. В. Преодолевая границы : своеобразие проблематики и жанровой формы повести В. Вулф «Флаш» / Е. В. Ушакова // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 187—197. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-187-197.

Ushakova, E. V. (2019). Overcoming the Boundaries: Originality of Problems and Genre Form of the Novel by V. Woolf “Flush”. *Nauchnyi dialog*, 12: 187-197. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-187-197 (In Russ.).

УДК 821.111 Woolf7Flush

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-187-197

ПРЕОДОЛЕВАЯ ГРАНИЦЫ: СВОЕОБРАЗИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ И ЖАНРОВОЙ ФОРМЫ ПОВЕСТИ В. ВУЛФ «ФЛАШ»

© Ушакова Елена Вячеславовна (2019), orcid.org/0000-0002-7235-3126, SPIN 9106-4507, кандидат филологических наук, доцент, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (Москва, Россия), ushakova@mail.ru.

В статье рассматривается повесть английской писательницы Вирджинии Вулф «Флаш» (1933) как разновидность модернистской экспериментальной биографии, в которой пародируются условия традиционного жизнеописания. Основное внимание уделяется необычному выбору героя биографии, спаниеля Флаша, любимой собаки Элизабет Баррет-Браунинг, который дал возможность Вулф иронизировать над «серьезными» биографиями. Сообщается, что значительные события в жизни известной английской поэтессы показаны глазами её пса, с одной стороны, ограниченного биологическими особенностями восприятия, с другой стороны, свободного в своих суждениях. Уделяется внимание не только творческой полемике Вулф с ограничениями биографического жанра, но и тому, как в повести раскрыты проблемы положения женщины в обществе, также окруженной рядом ограничений, запретов. Через анализ эпизодов и роли женских персонажей раскрывается отношение писательницы к вопросу обретения женщиной свободы в социуме и в собственном творчестве. Выявляются две магистральные линии повести, связанные с преодолением границ как жанра биографии, так и ограничений, сковывающих женщину-писательницу, пытающуюся реализовать свой творческий и жизненный потенциал.

Ключевые слова: биография; Вулф; модернизм; «Флаш»; Элизабет Баррет-Браунинг; феминизм.

1. Введение

Вирджиния Вулф — одна из ключевых фигур модернизма, писательница, в чьем творчестве отразились наиболее яркие особенности развития литературы первой половины XX века, отмеченной стремлением к поиску новых форм и трансформации традиционных. Ее произведения неизменно привлекают внимание ученых, исследующих новаторство в области стиля, проблематики, подхода к изображению внутреннего мира персонажей [Грешных, 2004; Briggs, 2006; Cremonesi, 2013]. Немаловажен и тот факт, что не только творчество, но и жизненный путь В. Вулф становятся объектом рассмотрения и интереса исследователей и критиков, что, конечно, не случайно: в ряде романов автора неизбежно присутствуют аллюзии на события личной жизни, отражаются эстетические и этические аспекты мировосприятия писательницы [Dalsimer, 2002; Forrester, 2015; Lee, 1997; Nadel,

2015; Nicolson, 2000]. В отечественном литературоведении интерес к В. Вулф особенно возрастает начиная с 1990-х годов и касается исследования структуры и поэтики романов [Бушманова, 1996; Морженкова, 2002], рассмотрения повести как пародии на роман воспитания [Гениева, 2005], проблем гендера и трансляции феминистского дискурса в романах «Орландо», «Ночь и день», «На маяк» [Хасиева, 2013], композиции нарративного текста, противопоставления и зависимости фокализатора и нарратора в повести «Флаш» [Игина, 2013], особенностей романного хронотопа [Колотов, 2000], своеобразия жанра литературной биографии в творчестве писательницы [Андреевских, 2005].

Поскольку в период развития модернизма изменениям подвергается не только роман, но и биографический жанр, нельзя обойти вниманием роль В. Вулф в становлении модернистской биографии, взрывающей каноны и клише для того, чтобы поставить ряд волнующих писательницу проблем. И проблемы эти связаны с двумя основополагающими фактами: во-первых, традиционная биография как жанр имеет значительные ограничения, ее форма нуждается в обновлении, во-вторых, ограничения касаются и отражения жизни женщин, роль которых в развитии культуры и общества в целом значительно недооценена.

Повесть «Флаш» (1933) представляет собой биографию кокер-спаниеля известной английской поэтессы Элизабет Баррет-Браунинг (1806—1861), его жизнеописание от рождения до смерти. Произведение балансирует на грани вымысел / реальность, биография / роман, что отражает взгляды Вулф на жизнеописание. В своих эссе, посвященных художественному творчеству и жанру биографии («Новая биография», «Искусство биографии» [Woolf, 1967]), автор подчеркивает роль вымысла, значимость творческого переосмысления документального материала в попытке уловить неуловимое, ведь, по мнению В. Вулф, «жизнь — это не серия симметрично расположенных светильников, а святящийся ореол, полупрозрачная оболочка, окружающая нас с момента зарождения сознания до его угасания. Не является ли все же задачей романиста передать более верно и точно этот неизвестный, меняющийся и неуловимый дух, каким бы сложным он ни был?» [Вулф, 1986, с. 473].

Стремление трансформировать жанры, разрушить границы между ними присуще всему творчеству В. Вулф, включая не только романы, но и литературно-критические работы. Так Т. Л. Селитрина отмечает: «В эссе В. Вулф “Своя комната” явно прочитывается обновление жанровой модификации, поскольку к литературно-критическим, биографическим и публицистическим элементам примешиваются и художественные формы повести и рассказа» [Селитрина, 2014, с. 263].

Как и в романе «Орландо», так и в повести «Флаш» можно выделить два плана: биографический — воссоздание жизни реального человека (Элизабет Баррет-Браунинг) и антибиографический — пародия на жанр жизнеописания. В начале произведения даны ссылки, заметки об источниках, которые создают видимость традиционной биографии: *Всем известно, что род, к которому принадлежит героиня нашего рассказа, — один из древнейших. Неудивительно поэтому, что и происхождение имени теряется в глубине веков* [Вулф, 2018, с. 423]. Если читате-

лю неизвестно, о ком далее пойдет речь в книге, то он может представить себе, что это, вероятно, аристократ с древней родословной. В конце же повести Вулф перечисляет источники своей книги, как это делают авторы биографий: *Нужно сознаться, что источники вышеизложенной биографии весьма скудны. Однако читателя, который захочет проверить факты или углубиться в предмет, отсылаем к материалам: «Флашу, моему псу», «Флаш, или Фавн» — стихотворения Элизабет Барретт-Браунинг. Письма Роберта Браунинга к Элизабет Барретт ...* [Там же, с. 504]. Сочетание традиционных структурных частей биографии с выбором в качестве героя спаниеля Флаша привносит в повесть пародийное, ироническое звучание. Подвергаются переосмыслению как каноны жанра жизнеописания, к необходимости изменения которых писательница обращалась ранее в своих статьях «Новая биография», «Искусство биографии», так и вопросы, связанные с положением женщины в обществе.

2. Повесть «Флаш» как пародия на жанр биографии

Хотя сама Вулф определила свое произведение как «шутку», или пародию на биографии Литтона Стречи, думается, это значимая часть творческого наследия автора, во многом перекликающаяся тематически с ее более ранними произведениями. В этой повести Вулф выступает против позиции всезнающего повествователя, которую используют авторы романизированных биографий, рассказывая о внутренней жизни героя и раскрывая его душевный мир. Она создает образ такого наивного биографа уже в романе «Орландо» (1928), высмеивая ограниченность автора и нежелание проникнуть в душевные переживания героя: *... увиденное его восхищало — деревья, птицы; влюбляло в смерть — вечернее небо, снижающиеся грачи; и, взлетев по спиральным ступенькам мозга — а мозг был вместительный, — увиденное, смешавшись с садовыми звуками — треск деревьев, стук топора, — вызывало в нем разгул и сумятицу чувств и страстей, которые ненавидит всякий себя уважающий биограф* [Там же, с. 9]. Необходимо отметить некоторое сходство романа «Орландо» и повести «Флаш»: оба произведения задумывались изначально как шутки, героями обеих книг являются женщины-писательницы (прообразом Орландо стала подруга В. Вулф, автор поэмы «Земля» Вита Сэквил-Уэст, в повести «Флаш» раскрывается образ поэтессы XIX века Элизабет Барретт-Браунинг), произведения представлены в виде экспериментальных пародийных биографий. И если в первом случае автор описывает героя, меняющего свой пол, живущего на протяжении нескольких столетий, создавая биографию творческого сознания [Соловьева, 1997], то во второй биографии-шутке Вулф выбирает неожиданный для читателя ракурс благодаря тому, что главным героем становится любимая собака Элизабет. Именно через восприятие Флаша даются все ключевые моменты жизни поэтессы.

Почему Вулф выбирает Флаша героем книги? Такой персонаж дает возможность автору легко экспериментировать с жанром, преодолевая стереотипы. Вулф хотя и позволяет читателю частично проникнуть во внутренний мир героя, но на этот раз героем становится животное, так что недосказанность и ирония сохра-

няются. В книге воссозданы особенности восприятия реальности, присущие животному: звуки, запахи, зрительные впечатления. Вулф изображает ограниченные способности собаки помнить, сопоставлять, делать выводы, намечать перспективы. Наиболее значимы те впечатления, которые остро воспринимаются развитыми органами чувств животного: прежде всего это звуки и запахи. Спаниель воспринимает мир через запахи, и автор осознает, что не может передать всех ощущений своего героя: *Здесь, однако, биограф принужден остановиться. Если для передачи зрительных впечатлений нам порой недостает и нескольких тысяч слов ... то для описания запахов мы обходимся всего-то несколькими словами ... И потому признавшись в своей беспомощности, мы можем только заметить, что Италия для Флаша в эту его самую зрелую, вольную, счастливую пору означала прежде всего бездну запахов* [Вулф, 2018, с. 487—488] Вулф размышляет о превосходстве чувственного восприятия реальности, доступного Флашу, восприятия, не искаженного словом: *Короче говоря, он знал Флоренцию так, как не дано ее знать ни одному человеку; как не знала ее ни Джордж Элиот, ни Рескин ... Ни единое из myriad его восприятий не подвергалось искажению в слове* [Там же, с. 489]. О той же проблеме размышляет и Элизабет: *В конце концов, — наверное, подумала она, — все ли выражают слова? Да и что слова могут выразить? Не разрушают ли слова неназываемый, им неподвластный образ?* [Там же, с. 441].

Писательница иронизирует над высокопарным и тяжеловесным стилем викторианской биографии и описывает происходящие события с нарочито сниженной точки зрения. Однако автору удается представить значимые события жизни Элизабет, ее переживания через восприятие Флаша, с одной стороны, ограниченного своей принадлежностью к иному миру, с другой стороны, позволяющего оценить и увидеть происходящее свежим, непредубежденным, лишенным социальных и культурных стереотипов и клише взглядом.

В целом ряде моментов жизни героя Вулф дает оценку с точки зрения традиционного биографа, обладающего определённым набором установок и следующего стереотипам. Начало второй главы «В спальне» также стилизовано под биографию: *... лето 1842 года, говорят нам историки, не запомнилось ничем необычайным, но для Флаша оно оказалось до того необычайным, что в пору было бы испугаться, не перевернулся ли мир* [Там же, с. 435]. Вулф, таким образом, подчеркивает важность каких-то внешне незначительных событий для личности, но значимых для животного: в данном случае для Флаша существенным было то, что он провел целое лето в спальне Элизабет.

В третьей главе повествуется о событии, изменившем впоследствии как жизнь спаниеля, так и жизнь его хозяйки. Этот эпизод дан глазами Флаша, который видит, как реагирует Элизабет на некое письмо: *Но сегодня письмо было не такое как всегда ... Он это понял по немыслимой дрожи пальцев, по стремительности, с какой был взорван конверт, по сосредоточенности, с которой она читала* [Там же, с. 446]. И хотя Флаш не мог понять, что было в письме или что писала сама Элизабет, он чутко улавливал ее настроение: *Но он понимал совершенно точно, как волнуется над письмом его хозяйка; какие противоречи-*

вые желанья ее раздирают [Там же]. Вулф показывает, как воспринимает Флаш происходящие перемены: для него это прежде всего запах, которым пропитана комната, это изменившийся голос Элизабет. Во Флаше просыпается чувство ревности к мистеру Браунингу, который стал занимать всё большее место в жизни и в сердце Элизабет. Вулф показывает смятение в душе героя, растерянность и грусть, но отмечает, что полностью проникнуть во внутренний мир персонажа невозможно: *мы можем лишь в общих чертах проследить борения Флаша* [Вулф, 2018, с. 457]. Хотя Вулф часто наделяет Флаша человеческими чертами, пытается раскрыть его душевные метания, но отмечает и его ограниченность: зачастую он не может постичь суть происходящего, лишь фиксируя изменения: *Глядя, как миссис Браунинг спокойно, но чересчур уж прилежно водит иголкой, сидя в своем низком кресле, он чувствовал, что надвигается неизбежное, и ему становилось не по себе* [Там же, с. 484]. И только через несколько страниц читатель понимает, что речь идет о беременности Элизабет.

Несмотря на необычность выбранного повествователя и его точки зрения, Вулф через описание жизни Флаша дает представление о наиболее важных событиях в жизни Элизабет: болезни, знакомстве с Робертом Браунингом, тайном замужестве, бегстве в Италию, рождении ребенка. Таким образом, писательница, пролизируя над жанром традиционной биографии, преодолевая его ограниченность, создает свою версию жизни поэтессы Элизабет Баррет-Браунинг, умело сочетая элементы документального (письма поэтессы) и вымышленного, используя оригинальную технику представления точки зрения животного, что привнесло в произведение не только элемент шуточности, но и определенной свободы.

3. Проблема положения женщины в обществе и ее отражение в повести «Флаш»

Исследователи акцентируют внимание на выборе в качестве объекта биографии именно животного, которое в реальности лишено речи, и Флаш становится символом тех, кому в силу половой принадлежности или социальной роли не предоставлялось слово: «Le chien dans Flush, est un personnage clé de l'œuvre woolfienne; il s'inscrit comme un symbole représentant le silence qui est perçu comme un handicap, une mutilation» (Собака в «Флаше» — это ключевой персонаж творчества Вулф, он является символом, представляющим тишину, воспринимаемую как ограниченность, увечь) [Karkaba, 2012, p. 125] (здесь и далее перевод наш. — Е. У.). Поэтому целесообразным представляется рассмотреть повесть и с точки зрения феминистской парадигмы, тем более что тема положения женщины в обществе, особенно личности творческой, талантливой, трудности ее самореализации является одной из ведущих не только в романах, но и в литературно-критических статьях Вулф [Вулф, 2002].

Вулф подчеркивает проблему написания биографии именно женщины: если такое жизнеописание и появляется, то только как шутивное и экспериментальное: «Any depiction of female achievement must in any case be a joke because of its implausibility» [Hoberman, 1987, p. 143] («Любое изображение женских достижений

должно в любом случае быть шуткой, поскольку оно неправдоподобно»), отмечает исследователь Р. Хоберман, комментируя необычный выбор повествователя.

Писательница тонко и иронично рассказывает о положении женщины в XIX веке через описание событий, происходящих с Флашем. Повествуя о юности героя, она обращает внимание на такой момент: *Еще почти щенок, Флаш стал отцом* [Вулф, 2018, с. 429]. И далее следует комментарий автора, акцентирующий проблему двойных стандартов восприятия поведения человека в зависимости от его гендерной принадлежности: *Такой поступок даже со стороны мужчины в 1842 году нуждался бы в оправданиях биографа; женщине же вообще не было бы оправданий* [Там же].

Автор неслучайно подчеркивает сходство между Флашем и Элизабет в момент их первой встречи на Уимпол-стрит. Прежде всего, это внешний облик: *Тяжелые локоны обрамляли лицо мисс Барретт; большие яркие глаза сияли на этом лице; улыбался большой рот. Тяжелые уши обрамляли физиономию Флаша; глаза у него тоже были большие и яркие: и рот был большой. Они были очень похожи* [Вулф, 2018, с. 434]. Но Вулф не ограничивается подчеркиванием внешней схожести героев, на самом деле гораздо важнее другое: «Flush mimics the entrapment of women who, cut off from freedom» (Положение Флаша напоминает положение женщин, лишенных свободы) [Hoberman, 1987, p. 156]. Как Флаш вынужден ходить на цепи и подчиняться строгим правилам иерархического общества, так и Элизабет, являясь женщиной, автоматически попадает в зависимое положение. Но поэтесса так же ломает установленные иерархии, как и Орlando, героиня одноименного романа, утверждая превосходство женской точки зрения на события. В частности, показателен эпизод с похищением Флаша. Мужчины (отец Элизабет и Роберт Браунинг) считают, что потакать грабителям, предлагая им выкуп, аморально, но Элизабет полагает, что чувство и привязанность превыше логики и этики, и предпринимает рискованную попытку спасти Флаша. Но для этого ей приходится преодолеть множество ограничений, не побояться выступить против всех.

Тема несвободы, заточения, тирании, связанная с положением как Флаша, так и самой Элизабет, является одной из важнейших в книге. Именно через восприятие собаки дается образ мистера Баррета, отца Элизабет: *самый мрачный, самый страшный из всех пожилых людей — мистер Баррет* [Вулф, 2018, с. 444]. Причем автор наделяет в этом случае Флаша способностью анализировать, делать выводы. Осознавая своё не только внешнее, но и внутреннее сходство с хозяйкой, Флаш солидаризируется с Элизабет в борьбе против ограничений: *Нас объединяет общая ненависть. Борьба против мрачной тупой тирании. Нас объединяет общая любовь* [Там же, с. 459]. В повести противопоставлены две группы персонажей. Первая — это Элизабет, ее служанка Лили Уилсон и Флаш, находящиеся в состоянии несвободы; и вторая — отец Элизабет, Роберт Браунинг, обладающие всеми правами и отчасти выступающие как угнетатели (что наиболее ярко проявилось в эпизоде с похищением собаки). Заточение спаниеля в символической форме отражает положение самой Э. Баррет, и попытка освободить Флаша — проявление

бунта героини против строгих ограничений викторианского общества. Вулф постоянно проводит параллели между этими персонажами. Возникает мотив бегства, Флаш предчувствует: *Неужто они убегут отсюда оба? Оба покинут страшный мир, где похищают собак, где господствует тирания?* [Там же, с. 474]. Когда Элизабет и Флаш приезжают в Италию, страну, символизирующую в повести свободу от ограничений, писательница отмечает: *Здесь не было воров, собак, и она могла вздохнуть свободно, здесь не было отцов* [Там же, с. 481]. В Италии герои обретают долгожданную свободу: *... в точности как миссис Браунинг изучала свои новые свободы и наслаждалась открытиями, Флаш тоже делал открытия и изучал свободную жизнь* [Там же, с. 480].

В произведении постоянно соотносится положение Флаша и Элизабет, которые преодолевают различные ограничения: «By discovering what her culture defines as alien to her and uniting with it — sexual passion, dog, maid, Italy: all alien to the “educated man’s daughter” — Barrett becomes, like Orlando, a blurrer of hierarchical distinction» («Открывая то, что ее культура определяет как чуждое ей — сексуальное влечение, собака, служанка, Италия, все чуждое “дочери образованного человека” — Баррет становится как и Орландо, разрушителем иерархии ограничений») [Hoberman, 1987, p. 156].

В фокусе повествования оказывается еще одна героиня, чье положение сходно с положением Флаша и Элизабет, — это служанка Лили Уилсон. Однако читатель мало что узнает о ней и ее размышлениях. Так, например, в финале повести Вулф говорит, что мы не можем знать о мыслях этой женщины. Таинственность, молчаливость — вот черты женщин, о которых не пишут биографии. В романе «Орландо» также есть эпизод, связанный с этой темой: повествуется о женщинах, вспоминающих свое прошлое, рассказывающих разные истории. Но содержание этих историй Вулф опускает: *... сколько делалось забавных наблюдений! Ведь невозможно отрицать, что когда собираются женщины, — но тсс! — они всегда следят, чтоб были закрыты двери и не единое словцо не угодило в печать. У них одно желание, — но снова тсс! — не мужские ли там шаги на лестнице?* [Вулф, 2018, с. 141]. Однако далее, не договорив, повествователь излагает мужскую точку зрения, заключающуюся в том, что женщины не интересуются друг другом и даже ненавидят представительниц своего пола. Вулф оставляет этот вопрос открытым: *Поскольку данный вопрос не из тех, какие могут занять умного мужчину, давайте-ка, пользуясь непринадлежностью всех историков и биографов ни к какому полу, мы его и опустим, лишь сообщив, что Орландо наслаждалась женским обществом* [Там же].

События из жизни Элизабет Баррет представлены отраженными в сознании собаки, которая не догадывается и в принципе не может догадаться, что его хозяйка — талантливая поэтесса, он отмечает лишь, что *она часами лежала и водила по белому листу бумаги черной палочкой* [Вулф, 2018, с. 440]. Тем не менее спаниель очень чувствителен к настроению своей хозяйки, изменениям в её поведении, остро реагирует на душевные переживания Элизабет, даже если не понимает их причин. Каково же положение женщины как писательницы? — задается

вопросом Вулф. И возможный ответ таков: её воспринимают так же, как это делает Флаш, не придавая значения литературной деятельности и не оценивая талантов и творческих стремлений.

Таким образом, как в работе «Своя комната» и романе «Орландо», так и в повести «Флаш» Вулф поднимает вопрос о положении женщины в обществе, о стереотипах, мешающих творческой личности проявить себя, и о необходимости преодолевать ограничения восприятия.

4. Заключение

Повесть «Флаш» построена как биография спаниеля Флаша, но через изображение жизни собаки, рассказывающей читателю о судьбе Элизабет Баррет-Браунинг, писательница пытается преодолеть границы традиционного жизнеописания. Она отвергает роль автора биографии как всезнающего повествователя, навязывающего читателю свою точку зрения, легко проникающего во внутренний мир героев, открыто пародируя такую форму повествования, делая рассказчиком собаку, которой недоступно понимание происходящего в полной мере, с одной стороны, но присуще неординарное, свободное от условностей социума восприятие жизни, с другой стороны. Повествуя о жизни Элизабет Баррет-Браунинг и её спаниеля Флаша, Вулф раскрывает проблемы положения женщины в обществе, её зависимости, трудности самореализации как творческой личности. Писательница показывает важность бегства от тирании условностей и утверждает свободу самовыражения женщин как единственный выход для одаренных художниц слова, обретающих собственный голос, «свою комнату».

Источники

1. *Вулф В.* Орландо. Волны. Флаш / В. Вулф. — Москва : АСТ, 2018. — 510 с.
2. *Вулф В.* Своя комната / В. Вулф // Эти загадочные англичанки. — Москва : Рудомино, 2002. — С. 81—156.
3. *Вулф В.* Современная художественная проза / В. Вулф // Называть вещи своими именами : Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX в. / сост., предисл., общ. ред. Л. Г. Андреева. — Москва : Прогресс, 1986. — С. 470—476.
4. *Woolf V.* The art of biography / V. Woolf // Collected essays. — Vol. 4. — London : Mariner Books, 1967. — Pp. 221—228.
5. *Woolf V.* The new biography / V. Woolf // Collected essays. — Vol. 4. — London : Mariner Books, 1967. — Pp. 229—235.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреевских О. С.* Литературные биографии Вирджиния Вулф в контексте эстетической программы группы «Блумсбери» : Вирджиния Вулф и Роджер Фрай : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / О. С. Андреевских. — Нижний Новгород, 2005. — 163 с.
2. *Бушманова Н. И.* Английский модернизм : психологическая проза / Н. И. Бушманова. — Ярославль : Ярославский государственный педагогический институт имени К. Д. Ушинского, 1992. — 148 с.

3. *Гениева Е. Ю.* Два «я» Вирджинии Вулф / Е. Ю. Гениева // Вестник Европы. — 2005. — № 13. — С. 12—14.
4. *Грешных В. И.* Вирджиния Вулф : Лабиринты мысли / В. И. Грешных, Г. В. Яновская. — Калининград : КГУ, 2004. — 146 с.
5. *Игина Е. В.* Необычный дискурс Вирджинии Вулф / Е. В. Игина // Записки з романо-германської філології. — 2013. — Вип. 1. — С. 96—105.
6. *Колотов А. А.* Художественная структура романов В. Вулф 1920-х — начала 1930-х годов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.05 / А. А. Колотов. — Красноярск, 2000. — 214 с.
7. *Морженкова Н. В.* Романы В. Вулф 20-х гг. : «Комната Джекоба», «К маяку», «Орландо» : Проблемы поэтики : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Н. В. Морженкова. — Нижний Новгород, 2002. — 217 с.
8. *Селитрина Т. Л.* Эссе «Своя комната». Романное мышление В. Вулф / Т. Л. Селитрина // Филология и культура. — 2014. — № 3 (37). — С. 260—263.
9. *Соловьева Н. А.* Метаморфозы поэтического воображения : между метафорой и метонимией (роман «Орландо» В. Вулф и «Ангелы и насекомые» А. Байат) / Н. А. Соловьева // Сквозь шесть столетий. Метаморфозы литературного сознания. — Москва : Диалог-МГУ, 1997. — С. 292—311.
10. *Татару Л. В.* Точка зрения и ритм композиции нарративного текста (на материале произведений Дж. Джойса и В. Вулф) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Л. В. Татару. — Саратовский государственный университет. Саратов, 2009. — 419 с.
11. *Хасиева М. А.* Гендерная проблематика и феминизм в творчестве Вирджинии Вулф / М. А. Хасиева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 1—2 (27). — С. 202—207.
12. *Briggs J.* Reading Virginia Woolf / J. Briggs. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. — 236 p.
13. *Cremonesi C.* The proper writing of lives. Biography and the Art of Virginia Woolf / C. Cremonesi. — Roma, 2013. — 226 p.
14. *Dalsimer K.* Virginia Woolf: Becoming a Writer / K. Dalsimer. — Oxford, 2002. — 256 p.
15. *Forrester V.* Virginia Woolf. A portrait / Transl. by Gladding J. / V. Forrester. — New York : Columbia university press, 2015. — 226 p.
16. *Jacobs P.* So unequally made of clay and diamonds : V. Woolf biographical works : Orlando, Flush, Roger Fry / P. Jacobs // The art of biography : an analysis of two contrasting views / Ed. By Demoor. — Studia Germanica Gandensia, Seminarie voor Duitse Taalkunde, 1986. — Pp. 32—62.
17. *Hoberman R.* Modernizing Lives : Experiments in English Biography, 1918—1939 / R. Hoberman. — Southern Illinois University Press, 1987. — 235 p.
18. *Karkaba C.* Altérité et animalité dans Flush de Virginia Woolf / C. Karkaba // L'Animal : un homme comme les autres? — Bruxelles, Paris : Editions Bryulant, 2012. — Pp. 113—125.
19. *Lee H.* Virginia Woolf / H. Lee. — London : Vintage, 1997. — 892 p.
20. *Nadel I.* Virginia Woolf / I. Nadel. — London : Reaktion, 2016. — 224 p.
21. *Nicolson N.* Virginia Woolf / N. Nicolson. — Penguin Lives, 2000. — 199 p.

OVERCOMING THE BOUNDARIES: ORIGINALITY OF PROBLEMS AND GENRE FORM OF THE NOVEL BY V. WOOLF “FLUSH”

© Elena V. Ushakova (2019), orcid.org/0000-0002-7235-3126, SPIN 9106-4507, PhD in Philology, associate professor, Non-state private educational institution of higher professional education “Moscow University for Industry and Finance “Synergy” (Moscow, Russia), ushakova@mail.ru.

The article considers the story of the English writer Virginia Woolf “Flush” (1933) as a kind of modernist experimental biography in which the conventions of traditional biography are parodied. The main attention is paid to the unusual choice of the hero of the biography, the Spaniel Flush, the beloved dog of Elizabeth Barrett-Browning, who gave Woolf the opportunity to ironize over “serious” biographies. It is reported that significant events in the life of the famous English poetess are shown through the eyes of her dog, on the one hand, limited by the biological characteristics of perception, on the other hand, free in its judgments. Attention is paid not only to the creative polemic of Woolf with limitations of the biographical genre, but also to how the problems of the position of women in society, also surrounded by a number of restrictions and prohibitions, are revealed in the story. An analysis of the episodes and the role of female characters demonstrates the writer’s attitude to the issue of a woman gaining freedom in society and in her own work. Two main lines of the story, related to overcoming the boundaries of both the biography genre and the restrictions that fetter a woman writer trying to realize her creative and life potential are revealed.

Key words: biography; Woolf; modernism; “Flush”; Elizabeth Barrett Browning; feminism.

MATERIAL RESOURCES

- Vulf, V. (2018). *Orlando. Volny. Flash*. Moskva: AST. (In Russ.).
- Vulf, V. (2002). *Svoya komnata. Eti zagadochnyye anglichanki*. Moskva. 81—156. (In Russ.).
- Vulf, V. (1986). Sovremennaya khudozhestvennaya proza. In: *Nazyvat' veshchi svoimi imenami: Programmynye vystupleniya masterov zapadno-yevropeyskoy literatury XX v*. Moskva: Progress. 470—476. (In Russ.).
- Woolf, V. (1967). The art of biography. In: *Collected essays, 4*. London: Mariner Books. 221—228.
- Woolf, V. (1967). The new biography. In: *Collected essays, 4*. London: Mariner Books. 229—235.

REFERENCES

- Andreyevskikh, O. S. (2005). *Literaturnyye biografii Virdzhinii Vulf v kontekste esteticheskoy programmy gruppy «Blumsberi»: Virdzhiniya Vulf i Rodzher Fray: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Nizhniy Novgorod. (In Russ.).
- Briggs, J. (2006). *Reading Virginia Woolf*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Bushmanova, N. I. (1992). *Angliyskiy modernizm: psikhologicheskaya proza*. Yaroslavl?: Yaroslavskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut imeni K. D. Ushinskogo. (In Russ.).
- Cremonesi, C. (2013). *The proper writing of lives. Biography and the Art of Virginia Woolf*. Roma.
- Dalsimer, K. (2002). *Virginia Woolf: Becoming a Writer*. Oxford.
- Forrester, V. (2015). *Virginia Woolf. A portrait*. New York: Columbia university press.
- Geniyeva, E. Yu. (2005). Dva «ya» Virdzhinii Vulf. *Vestnik Evropy*, 13: 12—14. (In Russ.).
- Greshnykh, V. I, Yanovskaya, G. V. (2004). *Virdzhiniya Vulf: Labirinty mysli*. Kaliningrad: KGU. (In Russ.).

- Hoberman, R. (1987). *Modernizing Lives: Experiments in English Biography, 1918—1939*. Southern Illinois University Press.
- Igina, E. V. (2013). Neobychnyy diskurs Virdzhinii Vulf. *Zapiski z romano-germanskoi filologii, 1*: 96—105. (In Russ.).
- Jacobs, P. (1986). So unequally made of clay and diamonds: V. Woolf biographical works: Orlando, Flush, Roger Fry. In: *The art of biography: an analysis of two contrasting views*. Studia Germanica Gandensia, Seminarie voor Duitse Taalkunde. 32—62.
- Karkaba, C. (2012). Altérité et animalité dans Flush de Virginia Woolf. In: *L'Animal: un homme comme les autres?* Bruxelles, Paris: Editions Bryulant. 113—125. (In Frenc.).
- Khasiyeva, M. A. (2013). Gendernaya problematika i feminizm v tvorchestve Virdzhinii Vulf. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki, 1—2 (27)*: 202—207. (In Russ.).
- Kolotov, A. A. (2000). *Khudozhestvennaya struktura romanov V. Vulf 1920-kh — nachala 1930-kh godov: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Krasnoyarsk. (In Russ.).
- Lee, H. (1997). *Virginia Woolf*. London: Vintage.
- Morzhenkova, N. V. (2002). *Romany V. Vulf 20-kh gg: «Komnata Dzhekoba», «K mayaku», «Orlando»: Problemy poetiki: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Nizhniy Novgorod. (In Russ.).
- Nadel, I. (2016). *Virginia Woolf*. London: Reaktion.
- Nicolson, N. (2000). *Virginia Woolf*. Penguin Lives.
- Selitrina, T. L. (2014). Esse «Svoya komnata». Romannoye myshleniye V. Vulf. *Filologiya i kultura, 3 (37)*: 260—263. (In Russ.).
- Solovyeva, N. A. (1997). Metamorfozy poeticheskogo vobrazheniya: mezhdru metaforoy i metonimiyey (roman «Orlando») V. Vulf i «Angely i nasekomyye») A. Bayat. *Skvoz' shest' stoletiy. Metamorfozy literaturnogo soznaniya*. Moskva. 292—311. (In Russ.).
- Tataru, L. V. (2009). *Tochka zreniya i ritm kompozitsii narrativnogo teksta (na materiale proizvedeniy Dzh. Dzhoyasa i V. Vulf) dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk*. Saratovskiy gosudarstvennyy universitet. Saratov. (In Russ.).